

ВОИСЛАВ ИЛИЧ: ПОЭЗИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И СИНТЕЗА

Сергей Николаевич Мещеряков

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1, д. 1,
стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных
факультетов, Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: pionerskaya@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5452-68-71

Аннотация

В статье рассматривается соотнесенность творчества Воислава Илича, крупнейшего сербского поэта конца XIX в., с различными литературными направлениями: классицизмом, романтизмом, реализмом, а также парнасско-символистской школой, так как по этому вопросу на протяжении ряда лет высказываются различные точки зрения. В. Илича признают преимущественно романтиком (Д. Живкович, Д. Витошевич), отмечают присущие ему черты классицизма, эстетизма и символизма, а также некоторую близость реализму и разрыв с романтизмом (И. Деретич) или признают и одновременно отрицают принадлежность Илича к любому из указанных направлений (М. Павич). Отмечается также синтетичность таланта Илича, хотя вопрос о ее природе не рассматривается (Р. Ф. Доронина). В данной статье точкой отсчета предстает романтическое начало в поэзии Илича и дальнейшее постепенное, обусловленное духом времени преодоление им романтических устремлений. Отказываясь от субъективности романтизма, поэт обращается к раннему опыту своего отца, известного поэта Йована Илича, то есть к опыту «объективной лирики» 20–40-х гг. XIX в., к опыту классицизма, понимаемого как проявление интереса к античной тематике, к антологической лирике. Обращение к античности, к культу осязаемой красоты, совершенство художественной формы сближало В. Илича с парнасцами, что закономерно вело в дальнейшем сербского поэта к символизму. В то же время В. Илич, в духе современного развития национальной литературы, обращается также к реализму, в том числе и к «фольклорному», к критике социальных основ окружающей действительности, к социальному пейзажу. Однако в целом пейзажная дескриптивная лирика В. Илича, часто воспринимаемая как проявление реалистических тенденций, означает в то же время возвращение к античной идиллии и тем самым сближается с поэзией парнасцев, которым был близок статичный идиллический пейзаж. В пейзажной поэзии В. Илича, его высшем творческом достижении, проявляется синтез субъективного и объективного начал, современности и античности, национальных традиций и опыта современной западноевропейской литературы.

Ключевые слова

Классицизм, романтизм, реализм, «Парнас», символизм, пейзажная лирика, античная идиллия

Статья поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Цитирование: Мещеряков С. Н. Воислав Илич: поэзия противоречий и синтеза // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 9–23. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.01>

VOJISLAV ILIĆ: THE POETRY OF CONTRADICTIONS AND SYNTHESIS

Sergey N. Mescheryakov

Ph. D., Associate Professor,
Department of Slavic Philology,
Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1, 1-51,
1 Humanities Building, Moscow, 119991, Russia
E-mail: pionerskaya@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5452-6871

Abstract

This article deals with the correlation of the work of Vojislav Ilić, the most significant Serbian poet of the late nineteenth century, with various literary trends: classicism, romanticism, realism, and the Parnassian-Symbolist school. Various points of view have been expressed on this issue for a number of years. V. Ilić is recognised mainly as a romantic with some authors noting inherent features of classicism, aestheticism, and symbolism in his work (Dragiša Živković and Dragiša Vitošević), some noting a closeness to realism and a break with romanticism (Jovan Deretić), and others recognising and at the same time denying Ilić's belonging to any of these trends (Milorad Pavić). The syntheticity of Ilić's talent is also noted, although the question of its nature is not considered (Regina Friedrikhovna Doronina). In this article, the starting point is the romantic principle in Ilić's poetry and, owing to the spirit of the times, the further gradual overcoming of his romantic aspirations. Rejecting the subjectivity of romanticism, the poet turns to the early experience of his father, the famous poet Jovan Ilić, that is, to the experience of "objective lyrics" of the 1820s–40s. The appeal to antiquity, to the cult of tangible beauty, the perfection of the art form brought V. Ilić closer to the Parnassians, which naturally led the Serbian poet to symbolism. At the same time, V. Ilić, in the spirit of the modern development of national literature, also turns to realism, including "folkloric", to a critique of the social foundations of the surrounding reality, to the social landscape. However, in general, the landscape descriptive lyrics of V. Ilić, often perceived as a manifestation of realistic tendencies, mean at the same time a return to the ancient idyll, and thus the approach to poetry of the Parnassians, who were close to the static idyllic landscape. In the landscape poetry of V. Ilić, his highest creative achievement, a synthesis of subjective and objective principles, modernity and antiquity, national traditions and experience of modern Western European literature, is manifested.

Keywords

Classicism, romanticism, realism, "Parnassus", symbolism, landscape lyrics, ancient idyll

Received 1 March 2022

How to cite: Mescheryakov, S.N., 2022. Vojislav Ilić: poezija protivorechii i sinteza [Vojislav Ilić: The Poetry of Contradictions and Synthesis]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 9–23. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.01>

Воислав Илич (*Војислав Илић*) (1860–1894) — крупнейший сербский поэт конца XIX в., предтеча национального «модерна» (парнасско-символистской школы), породивший целое течение в сербской лирике («воиславизм»)¹. Его имя столь широко известно, что часто упоминается без фамилии. Такой чести в истории сербской литературы и культуры удостоились совсем немногие: Досифей Обрадович, Вук Стефанович Караджич, Десанка Максимович*.

В сербском литературоведении начиная с 1880-х гг. поэзии В. Илича посвящено множество работ², в нашей стране об Иличе в основном писала Регина Фридриховна Доронина³. При этом в сербском литературоведении принадлежность творчества В. Илича тому или иному литературному направлению до конца не выяснена. По мнению Йована Деретича, поэзия Илича в определенной мере близка реализму, но в первую очередь тяготеет к классицизму и эстетизму. Проявляются в ней также черты символизма. Помимо того, она представляется исследователю «реакцией на выродившийся романтизм»⁴.

С другой стороны, Драгиша Живкович убежден, что поэзия В. Илича была «в основе своей романтической»⁵. Драгиша Витошевич также полагает, что «Воислав Илич в душе был романтиком»⁶.

¹ См.: *Скерлић Ј. Војислав Илић // Скерлић Ј. Писци и књиге. Београд: Просвета, 1964. Т. III. С. 175; Витошевић Д. Српско песништво. 1901–1914. Београд: Вук Караџић, 1975. Т. I. (Глава «Војислав и војиславизам», с. 123–132); Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Нолит, 1983. (Глава «Војислав и војиславизам», с. 406–413).*

* Д. Обрадович (1739–1811) — крупнейший сербский просветитель, придавший национальной литературе светский характер; В. Ст. Караджич (1787–1864) — реформатор сербского языка, фольклорист, историк; Д. Максимович (1898–1993) — крупнейшая сербская поэтесса XX в.

² Йован Скерлич в работе «Воислав Илич» приводит более десятка исследований, посвященных Иличу только в 80–90-е гг. XIX в. См. также: *Павић М. Војислав Илић и европско песништво. Нови сад: Матица Српска, 1971; Idem. Војислав Илић, његово време и дело. Нови Сад: Матица Српска, 1972.*

³ *Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича в жанрово-стилистической структуре сербской поэзии // Поэзия западных и южных славян и их соседей / под ред. Л. Н. Будаговой. М.: Индрик, 1996. С. 126–138; Она же. Сербская литература // История литератур западных и южных славян / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. Т. II. С. 529–533; Она же. Русско-сербские литературные связи на рубеже XIX и XX веков. Воислав Илич и русская поэзия // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Индрик, 2007. С. 113–127; Она же. Илич Воислав // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 146–148. См. также: *Станишич И. Воислав Илич и русская поэзия XIX в. // Восприятие русской культуры на Западе / отв. ред. Ю. Д. Левин, К. И. Ровда. Л.: Наука, 1975. С. 210–213; Карасева М. Л. Воислав Илич. Војислав Илић // Сербские поэты XX века / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011. С. 50–53.**

⁴ *Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 408.*

⁵ *Živković D. Ilić Vojislav // Jugoslovenski književni leksikon / ured. Ž. Milisavac. Beograd: Matica Srpska, 1984. S. 257.*

⁶ *Витошевић Д. Српско песништво. Т. I. С. 123.*

И наконец, по мнению крупнейшего сербского писателя и литературоведа Милорада Павича, Илич «не был ни классицистом, ни романтиком, ни реалистом, ни парнасцем, ни символистом, потому что он был и тем, и другим, и третьим одновременно в течение неполных пятнадцати лет»⁷.

В работах Р. Ф. Дорониной также отражена неоднозначность и противоречивость творчества Воислава Илича. Так, с одной стороны, поэт предстает романтиком, о чем свидетельствовали «его гражданская лирика и сатира, к которым он обращался на протяжении всего своего недолгого творческого пути, и развитие которых шло в русле богатого в этом отношении опыта романтиков 60–70-х гг.»⁸. Романтические традиции проявлялись в устремленности Илича к легендам и героям. По словам Р. Ф. Дорониной, само мировосприятие поэта было романтическим.

С другой стороны, как отмечала Р. Ф. Доронина, Иличу было присуще «освобождение от канонов национального романтизма»⁹. При этом «антиромантические процессы в сербской поэзии, инспирированные творчеством Илича, затронули и патриотическую лирику»¹⁰.

Позже Р. Ф. Доронина обоснованно отмечала «синтетичность» таланта В. Илича, «соединившего в себе разные периоды в развитии сербской литературы (классицизм, реализм, «парнас») с выходом к символизму...»¹¹, что, впрочем, не отменяло вопроса о природе подобной «синтетичности», о специфике сочетания столь разнонаправленных тенденций.

Безусловно, сербский поэт, как отмечалось, был в душе романтиком, что не могло не найти отражения в его творчестве. Его жизнь также во многом напоминала жизнь крупнейшего сербского романтика Джуры Якшича (1832–1878). Как и Якшич, он рано потерял жену и детей. Как и Якшич, был «награжден» своей женой туберкулезом. Как и Якшич, вел беспорядочную, богемную жизнь. Как и Якшич, не признавая действительность, вступал в конфликты с властью. Как и Якшич, рано умер. Немаловажно и то, что В. Илич был женат на дочери Якшича.

При этом самое серьезное влияние на Воислава, как и на его братьев, также литераторов, Милутина, Драгутина и Жарко, оказал, по словам Драгутина, их отец, известный в свое время поэт Йован Илич (1823–1901). Вначале Й. Илич обращался к классицизму (Лукиан Мушицкий) и предромантизму (Сима Милутинович Сарайлия), однако впоследствии он пришел к так называемому «фольклорному» романтизму, сблизился с крупнейшим сербским поэтом-романтиком Бранко Радичевичем. При этом Й. Илич высоко ценил античную, европейскую литературу, восхищался Востоком и

⁷ Илић Војислав. Живи песници / приред. М. Павић. Београд: Нолит, 1964. С. 25.

⁸ Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича... С. 126–127.

⁹ Там же. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Доронина Р. Ф. Сербско-русские литературные связи... С. 116.

воспел его лучше многих сербских поэтов-романтиков¹². Разносторонность интересов отца, очевидно, передалась сыну.

Наконец, общепризнано влияние на В. Илича его учителей В. А. Жуковского и особенно А. С. Пушкина, которого сербский поэт в юности воспринимал в романтическом ключе. В стихотворении «Барышне Н.» (1886) В. Илич писал, что ранее ему являлась «бледная Татьяна» и вслед за ней шел «романтический Ленский», что тогда он «боялся Онегина» и «хранил сердца жар». В дальнейшем, правда, романтическое мироощущение прошло как «сладкий сон», как «радостный возглас». «Плачевные» страсти (слово «плачевные» сам поэт берет в кавычки) давно исчезли, равно как и «бледный лик» пушкинской героини¹³.

Впрочем, отмечая недостижимость романтических идеалов, признавая их поражение в столкновении с суровой действительностью, Илич до конца от них не отказывался. Поэт и в последние годы своей жизни утверждает романтическое восприятие свободы, патриотизма, природы:

*Древнее войско утесов в небо вздымается гордо,
А над стремниной бьются в высях орлы с облаками,
Видя, как сплошь по ущельям Вардар терзают горы —
К морю Эгейскому рвется, в прах разбивая камни,
Сербской реки отвага!*

(«На Вардаре», 1889. Пер. Т. С. Шехановой)¹⁴

Романтический образ героического борца с османскими завоевателями возникает в стихотворении Илича «Вестник свободы» (1892), посвященном выдающемуся греческому поэту и патриоту Ригасу Ферсосу Валистинлису. Он был казнен турками, но победа врага была призрачна. Дух героя «реет на свободе», ибо в момент смерти «с тюремной башни сорвался орел могучий. // Опершись крылом о ветер, // Пробивался он сквозь тучи» (пер. Л. М. Длигача)¹⁵.

В романтическом, патриотическом духе в это время написаны стихотворения «На празднование Косовского пятисотлетия», «На могиле воеводы Дойчина в Солуни», «Разговор сербских детей с отчизной».

Конечно, романтические произведения подобного плана В. Илича вряд ли можно отнести к его высшим творческим достижениям. Хотя бы потому, что об этом в том же ключе уже писали сербские романтики: Джура Якшич, Йован Йованович Змай, Лаза Костич. Представляется, что романтическую

¹² См.: Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 328.

¹³ Подробнее об этом: Павић М. Војислав Илић и европско песништво. С. 224–226.

¹⁴ «На Вардаре» // Антология сербской поэзии / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Вахазар, 2008. С. 75.

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Сербские поэты XX века. Комментированная антология / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011.

поэзию Илича в большей мере выделяет интерес к Востоку, а также к теме времени и вечности — теме, в целом не близкой сербским романтикам.

Интерес к теме времени и вечности проявляется у Илича уже в молодости. В 1882 г. он пишет стихотворение «Дух прошлого» («Дух прошлости») о появлении в полночь «призрака умерших снов и яви».

*И тихой песней, и кротким небесным гласом
Он пробуждает давно прошедшие годы,
И звезды смиренно ему откликаются разом,
И песнь замирает на лоне природы...*

(Пер. мой. — С. М.)

Впоследствии, уже в конце своего творческого пути, В. Илич в стихотворении «Гимн веков» (1891) говорит о посещении лирическим героем «во сне или наяву» странного мира, где вдоль берега океана движутся торжественные похоронные процессии мужчин, женщин, детей...

*Молча они проходят, вечно во мраке блуждают,
Издавна — испокон —
Шумит океан ту песню угрюмую, что называют
Гимном темных веков.*

(Пер. А. Б. Базилевского)

Итак, романтические мотивы проявляются у Илича на протяжении всего его творческого пути. Однако точно так же выявляется и разочарование поэта в романтических идеалах. Они могут приземляться, снижаться, подвергаться насмешке. В стихотворении «Реалист» («Реалиста») (1891) бедный стихотворец ест черствый хлеб и живет с какой-то прачкой. Мечтает же он о своей соседке и о ней льет «безутешные слезы». Однако к его «ангелу» посватался какой-то «богослов», и теперь его «идеальная возлюбленная» (у Илича дословно: «идол») стала попадшей, чтобы «есть со своим попом просфоры и рожать поповичей». А «бедный стихотворец» будет вслух ругать любовь и тайно носить ее в сердце, пока смерть, подобная «ледяной сухой прозе», не достигнет его. И тогда глаза ему закроет «какая-нибудь Юльчи или Роза».

Разочарование, вызванное прозой жизни, дополнялось крахом исторических идеалов. В 1876 г. Сербия потерпела поражение в войне с Турцией, а потом приняла участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По условиям Сан-Стефанского мирного договора Сербское княжество обрело независимость и значительные территории. Берлинский конгресс (1878) принес Сербии дополнительные выгоды. В целом площадь Сербии увеличилась почти на 11 тыс. кв. км, а население — на 300 тыс. человек.

Казалось бы, налицо огромные достижения. Однако главные задачи — освобождение Косово и присоединение Боснии — решены не были. Более

того, Босния и Герцеговина были оккупированы Австро-Венгрией, что делало все сербские притязания на эти земли призрачными. Наконец, сербы очень болезненно восприняли успехи Болгарии, расценивая их как свое поражение, о чем писал еще Йован Скерлич. По словам критика, «патриоты после двадцати лет мечтаний ужаснулись мрачной действительности», тем более что вскоре наступил серьезный экономический кризис, в стране было подавлено Тимокское восстание (1883), и сербы потерпели поражение в войне с болгарями (1885)¹⁶.

Очевидно, что все это особенно негативно повлияло на молодое поколение. И Воислав Илич, оставаясь патриотом, уже не в силах был верить в счастливое близкое будущее, о чем так много писали романтики. И сама современная романтическая (или псевдоромантическая) поэзия, эмоционально необузданная, стилистически неприглядная, фактически компрометирующая национальные идеалы, уже вызывала насмешку. И неслучайно Илич в сатирическом стихотворении «Монолог молодого Слепчевича» (фамилия говорящая — «слепец», то есть человек, не желающий видеть истину) обличает стихоплета, пытающегося писать по заказу в соответствии, как он полагает, с «нужной» темой. При этом в ходе монолога происходит саморазоблачение героя. Он справедливо опасается, что его обвинят в плагиате («Раскритчатся люди, что краду у Якшича»), хочет найти что-то «страшное, ужасное и новое» (все романтические штампы), переживает, что «о грешных турках нет ни слова нынче» («турецкая» тема была крайне популярна у романтиков). В заключение автор уже от своего лица иронизирует над «старыми добрыми временами», «когда поэт сербский дар сгубить старался // И, напившись, часто под столом валялся».

Романтизм покоится на подчеркнуто субъективном видении мира, и при поиске новых путей художник закономерно должен был обратиться к «объективному» мировосприятию, а следовательно, к опыту сербской «объективной поэзии» 20–40-х гг. XIX в. от Лукиана Мушицкого до Йована Стерии Поповича, которая, впрочем, осталась всего лишь фактом литературной истории. И вряд ли можно вслед за Скерличем признать важнейшим достоинством Илича возвращение к подобной лирике.

Очевидно, что опыт «объективной поэзии» был знаком Воиславу Иличу: как отмечалось, его отец, Й. Илич, писал в свое время в подобном духе. Однако «объективность» В. Илича иного рода: она лишена присущих классицизму рационализма и дидактизма. Если исходить из того, что само непосредственное обращение к опыту античной литературы свидетельствует о принадлежности писателя к классицизму, тогда В. Илича можно назвать классицистом.

Вероятно, при взгляде на «классицизм» В. Илича следует прислушаться к высказыванию по этому вопросу Скерлича: «Особенно много у него анто-

¹⁶ Скерлић Ј. Писци и књиге. Т. III. С. 179.

логических стихотворений, вследствие чего Воислава Илича у нас считают в какой-то мере поэтом-классицистом»¹⁷. Сам критик, очевидно, от подобного утверждения несколько дистанцировался.

Гораздо ближе лирика В. Илича поэзии Парнаса. Важнейшим моментом здесь представляется обращение к античности, предполагающее и развернутое описание, основанное на ясности и объективности изображения, и поэтическое мастерство, позволяющее создать классическое по своей форме произведение, и утверждение Красоты как высшей ценности, порождающее принцип «искусства для искусства». Впрочем, многие эти моменты можно встретить и у Пушкина, а Илич Пушкина знал хорошо.

Обращение и парнасцев, и В. Илича к античности было вполне закономерным, ведь вся античная культура, по словам А. Ф. Лосева, «основана на принципе объективизма», «так как ничего кроме объективно существующего космоса нет»¹⁸.

При этом, продолжает А. Ф. Лосев, знакомый нам космос — «это уже не просто космос, а <...> произведение искусства <...> Сам термин “космос” указывает на лад, строй, порядок, красоту»¹⁹.

И далее: «Космос есть тело абсолютное и абсолютизированное. Оно само для себя определяет свои законы. А что такое человеческое тело, которое зависит лишь от себя, прекрасно только для себя и выражает только себя? Это — скульптура. Только в скульптуре дано такое человеческое тело, которое ни от чего не зависит. Так утверждается гармония человеческого тела»²⁰.

Любовь к прекрасной статуе, воплощению совершенства, присуща героям антологических произведений Илича. В стихотворении «Тибулл» (1881) «молодой квирит» замирает на ночь, пораженный прекрасным образом Венеры, и лишь к утру слышит голоса:

*Несчастный Тибулл наш, да хранят его боги!
Он камень целует студеной.*

(Пер. мой. — С. М.)

В стихотворении «Мраморный убийца» «бедный ваятель» Сильвио воплощает в мраморе вечный идеал прекрасной женщины, живущий с юности в его груди, и замирает потом перед своим произведением до самой ночи. А ночью статуя оживает и забирает себе душу героя. После этого «мраморный убийца» вновь возвращается на пьедестал, чтобы утром ожить и стать для римлян воплощением красоты и нравственного совершенства.

¹⁷ Скерлић Ј. Писци и књиге. Т. III. С. 211.

¹⁸ Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же.

Величие, красота и трагизм античной цивилизации проявляются во многих стихотворениях Илича, таких, как «Нарцисс», «Пифия», «Нибоа», «Пред Троей», «Даная», «Смерть Перикла», «Смерть Катона». При этом античность противопоставляется христианству, и последнее может быть представлено крайне негативно. Й. Скерлич отмечает, что историко-философское восприятие христианства наиболее ярко раскрывается в стихотворении «Авгур», где описывается, как «вопящие дико орды» христиан вторгаются в Рим и подвергают его разграблению. Им противостоит авгур, воплощение мощи и нравственного величия:

*Тогда на пороге у храма великого бога
Явился авгур. Он огромен. Священная тога
Присобранным краем на левой руке возлегает;
Пророческим блеском глаза его ярко сверкают.
Он сам, как великий Сатурн, к королю подступает
И грудью встает, и десницу, грозя, поднимает...*

(Пер. В. В. Осипова)

Тенденциозность Илича здесь более чем очевидна и проявляется даже в отношении исторических фактов. Ворвавшиеся в 410 г. в Рим готы были арианами, а арианство уже на Никейском соборе (325 г.) было признано ересью и христианству не принадлежало. К тому же христианство уже официально было признано в Риме, и дикари-готы грабили не только языческие храмы, но и христианские базилики. Однако у поэта свое представление о христианстве и об античности, и историческая достоверность его не интересует. «Воислав Илич не ценил христианство...» — писал Скерлич²¹.

Вместе с тем в «антологической» поэзии Илича проявляются мотивы, напоминающие и о христианстве, и о романтизме. В стихотворении «Мраморный убийца» ожившая статуя говорит Сильвио, что предназначение его жизни исполнено в момент ее рождения «по воле самого Бога». Важно также, что в духе романтизма «небесный образ», «вечный идеал» всегда жил в душе Сильвио. И самое главное: ожившая статуя — воплощение не только вечной юности, но и «чистоты райской».

В духе романтизма написано и стихотворение «Коринфская гетера» (1889). Здесь, как и в случае с «Авгуром», В. Илич нарушает законы исторической достоверности. Трудно, а точнее, невозможно себе представить, чтобы в одном из храмов Августа, в присутствии императора, стремившегося ввести строгие нравственные законы, происходило нечто подобное оргии, когда «Толпы развратных женщин носятся с диким криком, // Их шелковые одежды на мраморный пол упали» (*пер. мой. — С. М.*).

У ног Августа, на золотых ступенях, сидит коринфская гетера и с любовью смотрит на него. В этот момент юноша по имени Ипоник, ранее лю-

²¹ Скерлич Й. Писци и књиге. Т. III. С. 211.

бивший свою гетеру Геллу, «страстно, безумно, дико ударил по струнам» лиры. Все, в том числе и Август, поражены «грозными» звуками, напоминающими пророчество. Женщины прикрываются руками и прячутся в темноте, ощущая присутствие Высшего Отца (серб. *najvišeg oca*) в «мрачном, развратном храме», а Гелла, увидев Ипонику, «безумно» летит к нему навстречу и умирает от потрясения.

Необходимо отметить, что это стихотворение было высоко оценено сербскими критиками. В начале XX в. Б. Попович включил его в свою «Антологию сербской лирики нового времени» (1911), которая считалась лучшей в сербской литературе, а Й. Деретич отмечал проявление в «Авгуре» «истинного чувства прекрасного» и «величия античного мира»²².

Очевидно, что и сюжет этого стихотворения у Илича в какой-то мере совпадает с сюжетом одного из самых известных романтических рассказов Дж. Якшича «Неверная Тияна». Там девушка из-за любви также предаёт свое отечество и счастливо живет в гареме турка, но впоследствии, столкнувшись со своим бывшим женихом и услышав слова обличения, кончает жизнь самоубийством.

Очевидно, что в стихотворениях Илича иногда соединяются два противоположных начала: субъективное — романтическое и объективное, напоминающее о традициях Парнаса. Представляется, что настоящий синтез романтических, патриотических, свободолюбивых настроений, с одной стороны, и устремлений эстетических — с другой, труднодостижим, и не случайно Пушкин в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» выделяет лишь гуманность и свободолюбие в качестве собственных заслуг перед народом. В первоначальном варианте было еще упоминание о «звуках новых».

Для Илича, как и для Пушкина, обе тенденции были важны и оправданы, и примирить их, насколько это возможно, он пытался при помощи иронии. В стихотворении «Два поэта» (1888) оба стихотворца пытаются проникнуть в рай, перечисляя при этом свои заслуги. Один утверждает, что он лучший, поскольку посвятил всю жизнь песням о свободе, другой же убежден в своем исключительном праве, поскольку дарил людям нежность и красоту. В конце концов Святой Петр пускает в рай обоих, так как они своим криком досадили даже Богу.

Переход от романтизма к парнасско-символистской школе был исключительно важен для сербской литературы, и в этом плане роль поэзии В. Илича трудно переоценить. Все историки литературы отмечают обращение В. Илича к модифицированному гекзаметру, предполагающему строгость, ясность стиля, требовательное отношение к слову. Р. Ф. Доронина справедливо отмечает, что Илич стремился к гармоническому, музыкальному стиху, избегал монотонности, однообразия. По ее словам, поэт

²² Деретич Ј. Историја српске књижевности. Зрењанин: Sezam book, 2011. С. 896.

во многом достигал этого благодаря чередованию строк удлиненных и укороченных, варьированию строф, обращению к дистиху²³. Большое влияние на совершенствование мастерства Илича оказали переводы «Илиады» Н. Гнедичем и «Одиссеи» В. Жуковским. «Тайна успеха Воислава Илича, главное достоинство его поэзии — это красота его стиха, мастерство его версификации», — писал Скерлич²⁴.

Однако гекзаметр в сербской литературе существовал и до Илича, и принципиальное новаторство сербского поэта, на наш взгляд, состояло в другом: в синтезе, а не в механическом соединении субъективного и объективного начал. В пейзажной лирике Илича («Зимнее утро», «Осень», «Первый снег» и др.), ставшей, по мнению всех исследователей от Й. Скерлича до Й. Деретича, высшим творческим достижением поэта, воплощением «очарования поэзии»²⁵, — обычный сельский пейзаж, картины обычной деревенской жизни, сохраняя свою неповторимость, в то же время напоминают читателю об античной идиллии. По мнению С. Леоваца, В. Илич, продолжая традиции Феокрита и Вергилия, а также ренессансной пасторали, подходит к поэзии парнасцев, которые виртуозно воспроизводили статичный идиллический пейзаж²⁶.

При этом у Илича нет традиционного сопоставления пейзажа и чувств героя: определенное настроение рождается при изображении самого пейзажа. Так, в стихотворении «Зимнее утро» (1884) описание природы и жизни села напоминает читателю о вечности и неизменности жизни, сближающей современность с античностью, а человека с окружающим миром:

*За ночь мороз прихватил ветки с листвою зеленой.
Мягкую шаль разостлал снег по полям и равнинам,
Выбелил кровли домов и отдаленные склоны
На горизонте пустынном.*

*Тихое дремлет село в утреннем сумраке дымном.
Будят его петухи яростным хлопаньем крыльев,
Зимнюю славу зорю звонким приветственным гимном.
Мрак поредел, обессилен.*

(Пер. В. А. Потаповой)

То же утверждение ценности обыденной, казалось бы, жизни звучит в стихотворении «Осень» (1883). Ощущение спокойствия, защищенности человека, собравшего богатый урожай и спокойно ожидающего наступления зимы, идиллическая картина жизни предстает и в этом стихотворении:

²³ Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича... С. 130.

²⁴ Скерлић Ј. Писци и књиге. Књ. III. С. 222.

²⁵ Гавриловић З. Војислав Илић // Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966. С. 45.

²⁶ Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 409.

*Как все манит вокруг! Этот старый очаг почерневший
И огонь, что вьется над ним. Вот туман покрывает равнины,
Насыщается влагою воздух. Просыпается древность сама,
Мир загадок и сказок старинных.*

(Пер. мой. — С. М.)

Очевидно, что быт здесь незаметно превращается в бытие, а лирика «антологическая» — в лирику «онтологическую», и в малом скрывается великое.

При этом подобная «описательная», «дескриптивная» пейзажная лирика сербского поэта, напоминающая о вечности, традиционно воспринималась критикой как «реалистическая», то есть объективно, «верно» воспроизводящая картину жизни.

Вместе с тем ряд пейзажных зарисовок у Илича, напоминающих о социальном пейзаже, действительно укладываются в рамки «реализма». В пользу реализма говорит и наличие социального пейзажа у Илича:

*Хмурится серое небо. Вьюнка иссохшие плети
Со старых оград оголенных к лужам сползают вяло.
Осень стелет на землю темное покрывало.
На сучьях остатки листьев угрюмый, промокший ветер
Изжевывает дотла.
И кажется, что природа сдалась, смертельно устала —
И тихо умерла...
Вот тащит гроб лошаденка. Ей трудно: сырая дорога
Засасывает колеса — тяжелые, как лемеха.
Бредут под дождем и люди, глядят смиренно и строго, —
И серая эта процессия так набожна, так убога,
Так скорбна, так тиха!..*

(«Хмурится серое небо...»). Пер. В. А. Кочагина)

Социальный пейзаж возникает и в стихотворениях «Хмурый день» (1886), «Поздней осенью» (1889). Здесь и «холодный дождь», и намокшая лошаденка, и старуха, скликающая куриц, и ее старый пес «с мохнатым седым хвостом». И при этом в вышине каркает ворон, а в небесах — «муть и мрак».

О реализме свидетельствует и обращение В. Илича к фольклору: «фольклорный реализм» господствует в 80-е гг. в сербской прозе. В «Зимней идиллии» после изображения умиротворенной природы и мирной, тихой жизни человека («весело горит огонь в избушке нашей») следует рассказ деда о потерявшемся однажды зимой мальчишке Павле. Бедная мать, вдова, непрестанно просит Бога указать ей, где погиб ее сын, чтобы увидеть его в последний раз. И тогда Бог, напоминающий в сербском фольклоре доброго и справедливого главу большого крестьянского семейства, отправляется на поиски мальчика:

*Накидывает Бог тогда тулуп свой теплый,
Мольбою утомлен. Зовет к себе Петра.
Откуда женский плач? И Петр объясняет.
Господь вину признал — идут его искать.*

Оказывается, что Павел в раю, который напоминает крестьянский рай на земле. Мальчик залез на дерево, грызет яблоко. Вокруг него блеют ягнята, порхают бабочки, кружатся райские птицы.

*Господь прикрикнул: «Павел, ты сластена!
Кто трескать яблоки в раю тебя учил?
Слезай-ка вниз. Обувшись, возвращайся!
Да слушай мать, когда домой придешь!*
(Пер. В. В. Осипова)

В дальнейшем Павел действительно возвращается домой: его, полумертвого, нашли на дороге извозчики и вернули к жизни. И после этого он уже прилежно слушается матери.

Обращение романтика Илича к реализму так же закономерно, как и его обращение к поэзии, напоминающей поэзию парнасцев. Субъективному началу противопоставлялось начало объективное, а устремленности к идеалу — изображение реальной действительности. Следует отметить, что и Дж. Якшич в конце своего творческого пути сближается с реализмом, и подобное сближение отнюдь не редкость для романтиков.

Наконец, по единодушному мнению критики, в конце своего творческого пути Илич делает шаг навстречу символизму. М. Павич выделяет четыре аспекта подобного сближения у сербского поэта. Илич, во-первых, обращается к самой проблеме символа. Во-вторых, изобразительное начало отступает перед началом музыкальным. В-третьих, Илич воспринимает субъективность на новом уровне, не означающим возвращения к романтизму. Наконец, в-четвертых, пейзаж у Илича обретает субъективную окраску, авторское «я» проявляется в полной мере²⁷.

В стихотворении «Клеон и его ученик» В. Илич пишет:

*Все лишь только символ, все, что видит око,
Все, что нашу грусть и радость вызывает.
Символ — твердь земная и небо высоко,
Символ тайну жизни взору открывает.*
(Пер. мой. — С. М.)

Субъективность пейзажа, особое проявление личности поэта, музыкальность М. Павич находит в поздних стихотворениях В. Илича: «Заброшенный источник» (1892), «Элегия на развалинах башни Севера» (1892),

²⁷ Гаврилович З. Војислав Илић... С. 53.

«Когда погаснет солнце» (1893). По мнению исследователя, от этих произведений до настоящего символизма всего один шаг. Илич не успел его совершить: он умер через несколько месяцев после появления этих стихотворений. Переход сербского поэта был бы вполне закономерен: французская литература также переходит от Парнаса к символизму. То же происходит и в сербской поэзии.

Будучи романтиком в душе, Илич, даже пародируя романтизм, сохранял верность этому направлению. При этом «дух времени» вел поэта новыми путями. С одной стороны, В. Илич тяготел к реализму, в том числе и «фольклорному», а с другой — приближался к Парнасу, а от Парнаса к символизму. Поэзия В. Илича свидетельствовала как о верности традициям, так и о постоянном движении литературы.

Литература

- Витошевић Д.* Српско песништво. 1901–1914. Београд: Вук Караџић, 1975. Т. I.
- Гавриловић З.* Војислав Илић // Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966. С. 29–46.
- Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд: Нолит, 1983.
- Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Зрењанин: Sezam book, 2011.
- Доронина Р. Ф.* Сербская литература // История литератур западных и южных славян / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. Т. II. С. 529–533.
- Доронина Р. Ф.* Творчество Войслава Илича в жанрово-стилистической структуре сербской поэзии // Поэзия западных и южных славян и их соседей / под ред. Л. Н. Будаговой. М.: Индрик, 1996. С. 126–138.
- Доронина Р. Ф.* Сербско-русские литературные связи на рубеже XIX и XX веков. Воислав Илич и русская поэзия // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Индрик, 2007. С. 113–127.
- Доронина Р. Ф.* Илич Воислав // Лексикон јужнославјанских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 146–148.
- Карасева М. Л.* Воислав Илич. Војислав Илић // Сербские поэты XX века / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011. С. 50–53.
- Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.
- Павић М.* Воислав Илић и европско песништво. Нови Сад: Матица Српска, 1971.
- Павић М.* Војислав Илић, његово време и дело. Нови Сад: Матица Српска, 1972.
- Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966.
- Скерлић Ј.* Писци и књиге. Београд: Просвета, 1964. Т. III.
- Станишич И.* Воислав Илич и русская поэзия XIX века // Восприятие русской литературы на Западе / отв. ред. Ю. Д. Левин, К. И. Ровда. Л.: Наука, 1975. С. 210–213.
- Živković D.* Ilić Vojslav // Jugoslovenski književni leksikon / ured. Ž. Milisavac. Novi Sad: Matica Srpska, 1984. S. 256–258.

References

- Deretić, J., 1983. *Istorija srpske književnosti* [The History of Serbian Literature]. Beograd: Nolit.
- Deretić, J., 2011. *Istorija srpske književnosti* [The History of Serbian Literature]. Zrenjanin: Sezam book.
- Doronina, R. F., 1997. Serbskaia literatura [Serbian literature]. In: S. V. Nikol'skii, ed., 1997. *Istoriia literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian* [History of Literatures of Western and Southern Slavs]. Moscow: Indrik. Vol. II, pp. 529–533.
- Doronina, R. F., 1996. Tvorchestvo Voislava Ilicha v zhanrovo-stilisticheskoi strukture serbskoi poezii [The Creative Work of Voislav Ilić in Genre-Stilistic Structure of the Serbian Poetry]. In: L. N. Budagova, ed., 1996. *Poeziia zapadnykh i iuzhnykh slavian i ikh sosedei* [The Poetry of Western and Southern Slavs and Their Neighbors]. Moscow: Indrik, pp. 126–138.
- Doronina, R. F., 2007. Serbsko-russkie literaturnye sviazi na rubezhe XIX i XX vekov. Voislav Ilich i russkaia poeziia [Serbo-Russian Literary Contacts at the turn of the XIX and XX centuries]. In: A. V. Lipatov, ed., 2007. *Rossia v glazakh slavianskogo mira* [Russia in the Opinion of the Slavic World]. Moscow: Indrik, pp. 113–127.
- Doronina, R. F., 2012. Ilich Voislav [Ilić Vojislav]. In: G. Ia. Il'ina, ed., 2012. *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [Lexicon of South Slavic literatures]. Moscow: Indrik, pp. 146–148.
- Hristić, J., ed., 1966. *Poezija ot Vojislava do Bojića* [Poetry from Vojislav to Bojić]. Beograd: Nolit, pp. 29–46.
- Karaseva, M. L., 2011. Voislav Ilich. Vojislav Ilić [Vojislav Ilić]. In: A. B. Bazilevskii, ed., 2011. *Serbskie poety XX veka* [Serbian Poets of the XX Century]. Moscow: Eterna, pp. 50–53.
- Losev, A. F., 1988. *Derzanie dukha* [Audacity of the Spirit]. Moscow: Politizdat.
- Pavić, M., 1971. *Voislav Ilić i evropsko pesništvo* [Vojislav Ilić and the European Poetry]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Pavić, M., 1972. *Vojislav Ilić, njegovo vreme i delo* [Vojislav Ilić, His Time and His Work]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Skerlić, J., 1964. *Pisci i knjige* [Writers and Books]. Belgrade: Prosveta. Vol. III.
- Stanishić, I., 1975. Voislav Ilich i russkaia poeziia XIX veka [Vojislav Ilić and the Russian Poetry of the XIX Century]. In: Iu. D. Levin, K. I. Rovda, eds, 1975. *Vospriiatie russkoi literatury na Zapade* [The Perception of the Russian Literature in the West]. Leningrad: Nauka, pp. 210–213.
- Vitošević, D., ed., 1975. *Srpsko pesništvo. 1901–1914* [Serbian Poetry. 1914–1920]. Beograd: Vuk Karadžić. Vol. I.
- Živković, D., 1984. Ilić Vojislav. In: Ž. Milisavac, ed., 1984. *Jugoslovenski književni leksikon*. Novi Sad: Matica Srpska, pp. 256–258.